

V. Что не так с этой картиной?

Критика неофутуристического видения упадка труда

Конец работы: Упадок глобальной рабочей силы и рассвет пострыночной эры

Джереми Рифкин

Футуристы объявляют о наступлении новой постиндустриальной эпохи почти так же часто, как марксисты - об окончательном кризисе капитализма. Признавая это, Джереми Рифкин настаивает на том, что на этот раз будущее наконец наступило и никуда не денется. Возможно, он прав.

Не будучи оригинальным мыслителем, Рифкин - доходчивый сборщик и популяризатор важной информации, подаваемой для легкого усвоения. Практически любой человек после прочтения этой книги будет знать больше о тенденциях в области технологий и организации труда, которые уже изменили повседневную жизнь во всем мире и, каковы бы ни были их конечные последствия, наверняка приведут к еще более глубоким изменениям. Однако по пути Рифкин допускает достаточно серьезных ошибок, для того чтобы его реформаторские схемы, какими бы прозаичными они ни были, были отправлены на свалку утопий.

Хотя Рифкин приводит множество деталей, они никогда не отвлекают от основной идеи. Мир, каким мы его знаем на протяжении всей истории человечества, - это мир работы. Для всех, кроме немногих представителей элиты (и даже для большинства из них), работа (как говорит Рифкин) "структурировала" их жизнь. При всех революционных преобразованиях, происходивших на заре цивилизации, работа как повседневная фатальность (если воспользоваться строчкой Уильяма Фолкнера) не только сохранялась, но и преобладала. Действительно, после промышленной революции и после неолитической революции до нее работа была длиннее, тяжелее и скучнее. Политические революции привели к глубоким изменениям, но не к глубоким изменениям в работе.

По мнению Рифкина, все это начинает меняться.

Мировая экономика никогда не была такой продуктивной, но безработица во всем мире находится на самом высоком уровне со времен Великой депрессии. Новые технологии, особенно информационные, всегда капиталоемки. Слепо верить в то, что новые технологии всегда заменяют рабочие места, которые они уничтожают, - это слепая вера и чистейшая фантазия. Все доказательства, на чем неустанно и справедливо настаивает Рифкин,

свидетельствуют об обратном. Нелепо и жестоко переучивать десять работников на работу, которую может получить только один из них (но, скорее всего, не получит, поскольку молодой человек, пришедший на работу, скорее всего, более здоров, легко обучаем и не отягощен воспоминаниями о старых добрых временах). Мы движемся к "почти безработному миру". Из 124 миллионов американских рабочих мест 90 миллионов "потенциально уязвимы для замены машинами".

Как показывает Рифкин, сокращение рабочей силы, вызванное технологиями, не щадит ни один сектор экономики. В США, которые изначально были страной фермеров, только 2,7 % населения заняты в сельском хозяйстве, и здесь - и повсюду - "конец сельского хозяйства под открытым небом" вполне предсказуем. Следующим был промышленный сектор. А теперь третичный сектор, который вырос по сравнению с остальными и сейчас является самым крупным, сокращается. Банкоматы заменяют кассиров. Среднее звено управления резко сократилось: боссы передают свои приказы производственным рабочим напрямую, с помощью компьютера, и следят за их выполнением тоже с помощью компьютера.

Мы приближаемся к тому, что Билл Гейтс называет "капитализмом без трения": прямые сделки между производителями и потребителями. Капитализм устранил меркантильных посредников, которые его создали. В пролетарском раю ткачи ручных ткацких станков, должно быть, хихикают.

Что не так в этой картине? Основательно: товары, в изобилии производимые в почти безработной экономике, должны быть проданы, а чтобы их продать, их нужно купить, а чтобы их купить, потребителям нужны деньги, чтобы за них заплатить. Большую часть этих денег они получают в виде зарплаты за работу. Даже Рифкин, который делает все возможное, чтобы не показаться радикалом, нехотя признает, что некий Карл Маркс придумал это понятие кризиса капиталистического перепроизводства, связанного с покупательной способностью.

Есть и другие трудности. Работа оставшихся работников, работников интеллектуального труда сопряжена с огромным стрессом. Как текст на экране компьютера, она неумолимо прокручивается, но на каждого работника, который не выдерживает, найдется другой в "новой резервной армии" безработных (еще одно заимствование у сами-знаете-кого), отчаянно желающий занять ее место. И избыточное большинство - это не просто недостаточный рынок, это резервуар отчаяния. Люди не только будут бедны, они будут знать, что они бесполезны. То, что произошло с первыми жертвами автоматизации - южными чернокожими, вытесненными сельскохозяйственными технологиями и оказавшимися в постоянном андерклассе, - произойдет и со многими миллионами белых. Мы знаем последствия: преступность, наркотики, распад семьи, социальный упадок. Контролировать или, что более реалистично, сдерживать их будет дорого и сложно.

Если таково футуристическое будущее, кажущееся столь угрожающим даже тем, кто заставляет нас двигаться вперед, то что же не так с этой картиной? Работодатели должны ратовать за реформу, которая лежит в основе всех остальных, предлагаемых Рифкиным: сокращение рабочей недели.

Это позволило бы увеличить количество людей, которым есть чем заняться, кроме как жалеть себя или, что еще хуже, выяснять, кто виноват, а также обеспечило бы покупательную способность для приобретения товаров, которые работодатели продают. Но, к явному изумлению Рифкина, те американцы, которые все еще пользуются сомнительной привилегией работать, работают больше часов, чем в 1948 году, хотя производительность труда с тех пор выросла более чем в два раза. Вместо того чтобы сокращать часы, работодатели сокращают штаты, усиливая эксплуатацию и незащищенность, и одновременно максимально используют временных работников, которых в данный момент мобилизуют в резерв.

Рифкин явно расстроен неспособностью боссов оценить то, что, как он убедился, является их долгосрочными, просвещенными собственными интересами. Его скромное предложение о более добром и мягком высокотехнологичном капитализме принимает как данность, что многие люди будут продолжать работать, а многие другие - нет. Для тех, кто работает, он предлагает сократить рабочий день, но опасается, что они могут растратить свое свободное время. Еще большее беспокойство вызывают те, кого экономика низвела до состояния безделья. Для обоих классов у него есть решение. Безработные должны перейти в "третий сектор", сектор волонтеров (в отличие от рыночного и государственного секторов), поощряемый "налоговым вычетом за каждый час, отданный юридически сертифицированным организациям, освобожденным от налогов".

А постоянно безработные будут получать государственную "социальную зарплату", направляемую через "некоммерческие организации, чтобы помочь им нанимать и обучать бедных для работы в их организациях".

Стойте! Разве Рифкин не настаивал на том, что первые десятилетия XXI века, если не раньше, станут почти безработным будущим? Что производительность труда будет расти по мере того, как будут сокращаться производители?

Почему этот императив распространяется на коммерческий сектор, а не на некоммерческий?

Если еще так много работы, которую нужно сделать, будь она хоть сколько-нибудь приятной и "общинной", и если людям нужно платить за это - что бы ни было не так с этой картиной "творческой бухгалтерии", по которой выплачивается их зарплата, - то это вовсе не почти безработный мир. Рифкин отправляет безработных в рабочие дома или на цепную банду. Это, по меньшей мере, очень странное заключение для книги под названием "Конец работы".

Что не так (что-то явно не так) с этой иллюстрацией?

Вот что. Рифкин не понимает или отмахивается от последствий своей очень убедительной демонстрации того, что работа все больше теряет значение для производства. Почему работа становится все более важной для тех, кто все еще ею занимается, в то время как ее лишают тех, кому нужно работать, чтобы выжить?

Боссы сошли с ума?

Не обязательно. Возможно, они понимают, хотя бы интуитивно, свои интересы лучше, чем вольнонаемный полуинтеллектуал вроде Рифкина. Это предположение, по крайней мере, согласуется с наблюдаемыми фактами: боссы по-прежнему управляют миром, а Джереми Рифкин только пишет об этом книги. Рифкин полагает, что работа связана только с экономикой, но она всегда была чем-то большим: это была и политика.

По мере того как экономическое значение работы снижается, на первый план выходит ее контрольная функция. Работа, как и государство, - это институт контроля многих над немногими. Она отнимает у нас большую часть времени бодрствования. Она часто изнуряет физически или умственно. Для большинства людей она предполагает длительное ежедневное прямое подчинение власти в таких масштабах, которые неизвестны взрослым людям, не находящимся в заключении. Работа выжимает из работников всю энергию, оставляя ее только на дорогу и потребление. Из этого следует, что демократия - если под ней подразумевается какое-то осознанное участие значительной части населения в управлении страной - иллюзорна. Политика - это всего лишь еще одно, и, как правило, более чем неприятное проявление разделения труда (как называют рабочую систему после ее подкрашивания академическими косметологами). Политика - это работа для политиков, терапия для активистов и зрительский спорт для всех остальных.

Если мы предположим, что работа - это, по сути, социальный контроль, а производство - лишь случайность, то поведение босса, которое Рифкин находит таким извращенным, приобретает идеальный смысл на своих извращенных условиях. Часть населения перегружена работой. Другая часть изгнана из рабочей силы. Что их объединяет? Две вещи - взаимная враждебность и крайняя зависимость. Первое увековечивает второе, и каждое из них лишает сил.

Рифкин задается вопросом, как система справится с огромным количеством новых лишних людей. Как он сам рассказал, у нее было много практики. Создание и управление андерклассом уже стало делом решенным. Новый смелый мир техногенного изобилия - если под изобилием вы подразумеваете только увеличение количества товаров - выглядит следующим образом:

АЛЬФЫ

Это будет относительно небольшое количество поставщиков высоких технологий, объединенных с основными поставщиками людей (артисты, политики, священнослужители, военные, журналисты, начальники полиции и т. д.). Они будут продолжать работать - во многих случаях усерднее, чем кто-либо другой, - чтобы поддерживать систему и друг друга в рабочем состоянии.

БЕТЫ

Вместо старого среднего класса и среднего менеджмента, которые, как объясняет Рифкин, уже устарели, появится класс социального контроля, состоящий из полицейских, охранников, социальных "работников", школьных учителей, воспитателей детских садов, клинических психологов, родителей и т. д. Особого внимания заслуживает тот факт, что

более сильные и агрессивные представители того, что раньше было рабочим классом, будут кооптированы в полицию для тех, кого они оставили (как выразился один барон-разбойник позолоченного века, "я могу нанять половину рабочего класса, чтобы убить другую половину"). Таким образом, низший класс теряет своих лидеров, даже если его отвлекают призрачной идеей восходящей мобильности.

ГАММЫ

Вот подавляющее большинство населения, то, что Никола Тесла называл "мясорубками", то, что Ли Куан Ю называл "цифрами", то, что Джереми Рифкин стесняется называть как угодно. Ими нельзя управлять, как другими классами, с помощью труда, потому что они не работают. Они будут управляться с помощью хлеба и зрелищ. Хлеб состоит из скромных трансфертных выплат, поддерживающих бесполезных бедняков на уровне прожиточного минимума в качестве беспомощных подопечных государства. Зрелища будут обеспечиваться потрясающими техно-спектаклями того, что после войны в Персидском заливе можно назвать только военно-развлекательным комплексом. Голливуд и Пентагон всегда будут рядом друг с другом.

Гаммы образуют массу, а не класс, простое скопление гомологичных множеств, как Маркс характеризовал крестьянство, "подобно тому как картошка в мешке образует мешок картошки". Они пользуются некоторыми неотъемлемыми правами - переключать каналы, проверять электронную почту, голосовать - и некоторыми другими, не имеющими практического значения. Войны, профессиональный спорт, выборы и рекламные кампании дают им возможность объединиться со зрителями-единомышленниками. Неважно, как они делят себя на группы, лишь бы делили. Поскольку на самом деле все они одинаковы, любое разделение, за которое они берутся, произвольно, но любое разделение подходит. Они подбирают команды по расе, полу, увлечениям, поколению, диете, религии, по всем признакам, кроме свободы действий. В условиях коллективного рабства эти различия имеют ровно столько же и только столько значения, сколько мальчишеский домик на дереве с табличкой "Девочкам вход воспрещен". Гаммы по сути своей фанаты, а самоактивность фанатов исчерпывается созданием ими фан-клубов. Они - картошка, которая сама себя собирает в мешок.

ДЕЛЬТЫ

Эта система породит свои противоречия, как всегда бывает в классовых обществах. Несмотря на Билла Гейтса, капитализм без трения - это оксюморон. На информационной супермагистрале будет много выбоин. Каждый класс внесет свою лепту в отсев, девиантов и диссидентов. Кто-то будет бунтовать из принципа, кто-то из патологии, кто-то из того и другого. И их лев-бунтарь будет функционировать до тех пор, пока не выйдет из-под контроля. Дельты, непокорные и не похожие друг на друга, будут обеспечивать работой бет и таблоидными развлечениями гамм. Во все более скучном и предсказуемом мире сумасшедшие и преступники будут обеспечивать изюминку, риск, мистику, которые индустрия сознания все чаще не в состоянии имитировать. VR, морфинг, компьютерная графика - все это впечатляет, на какое-то время, но ничто не сравнится с запахом страха, запахом настоящей крови, со зрелищами, которые никто не делал лучше, чем римляне и

ацтеки. Шоу, которое они называют "Самые разыскиваемые в Америке", - это двойная интрига. Общество не обязательно получает, как говорят некоторые, преступников, которых оно заслуживает, но сегодня оно получает преступников, которых хочет.

"Будет ли нас ждать утопическое или антиутопическое будущее, - заключает Рифкин, - в значительной степени зависит от того, как будет распределяться прирост производительности в информационную эпоху". Ни одно из его доказательств не подкрепляет этот *ipse dixit*, озвученный так рано, что к тому времени, когда читатель доберется до политических предложений, он, вероятно, предположит, что доказательство должно было скрываться среди всех тех фактов, которыми его забрасывали по пути. На самом деле доверие к Рифкину в предсказании будущего подрывается его плохой работой по предсказанию прошлого.

Рифкин утверждает, почти в качестве отступления, что американский опыт последних 40-50 лет - повышение производительности труда и увеличение продолжительности рабочего дня - является отклонением, не имеющим исторического прецедента. (И, следовательно, предполагается, что наши государственные деятели легко исправят эту оплошность, как только на нее обратит внимание Джереми Рифкин, народный глашатай). И неолитическая (сельскохозяйственная), и промышленная революции способствовали росту производительности труда, а также удлинению рабочего дня (а также качественному ухудшению работы как опыта). Рост производительности никогда не приводил к утопии раньше, почему он должен привести к ней сейчас? Более справедливое распределение богатства никогда не приводило к утопии раньше, почему оно должно приводить к ней сейчас? Дело не в том, что Джереми Рифкин знает что-то, но не говорит нам. Скорее, он не знает того, о чем говорит.

Утопия Рифкина оказывается Новым курсом. Сертифицированный государством и субсидируемый государством третий сектор - это просто WPA: проекты общественных работ. Сокращение рабочей недели всего на десять часов - это не более чем приведение законодательства Нового курса о заработной плате и продолжительности рабочего дня в соответствие с инфляцией, подобно тому как минимальная заработная плата должна время от времени повышаться. Далеко не очевидно, что эти реформы смогут хоть как-то обратить вспять перераспределение богатства, которое происходило в 80-е годы. В конце концов, именно Вторая мировая война, а не социальное законодательство Нового курса, обеспечила недавнее и довольно скромное экономическое выравнивание в этой стране. То, что Рифкин называет "социальной зарплатой", попахивает тем, что республиканцы называют "workfare". А использование налоговых льгот для поощрения социально ответственных предприятий - это примерно такая же утопия, как разрешение благотворительных вычетов, но, вероятно, не такая радикальная, как снижение налога на прирост капитала.

Рифкин, как и все футуристы, не способен пророчить правдоподобное утопическое будущее. Футурист по определению предсказывает продолжение современных тенденций, но если настоящее не утопично, то почему будущее - такое же, только большее - должно быть утопичным?

Я не говорю, что оно не может быть таким, просто хочу сказать, что Рифкину нужно кое-что объяснить. Он не принял всерьез или даже не признал возможность того, что реальный конец работы - это практическая утопическая возможность, а не просто привлекательное название для поп-футуристической книги. Но это потребует переосмысления работы в радикально ином ключе.

Томас Эдисон говорил (но, вероятно, знал лучше), что гений - это 1 % вдохновения и 99 % пота. Утопия - это 1 % пота и 99 % вдохновения. Ее практическая возможность никогда не определялась технологией или производительностью, хотя технология и производительность имеют к ней отношение, к лучшему или к худшему. Хаксли и Оруэлл в тандеме, имея преимущество не знать почти столько же, сколько Билл Гейтс и Джереми Рифкин, давно видели дальше, чем они. Технологии были зависимой, а не независимой переменной - следствием, а не причиной. Есть один и только один глубоко важный вывод Рифкина, и ирония заключается в том, что на самом деле он его не имеет в виду. Это его неявное приравнивание утопии к концу работы. Но Рифкин не имеет ни малейшего представления о том, что означал бы конец работы, потому что он не задумывался о том, что такое работа. В противном случае он вряд ли мог бы подумать, что работа прекратится, если будет выполняться в другом "секторе" экономики. Это все равно что сказать, что эксплуатация прекращается, когда работодателем каждого становится рабочее государство.

Говорить о "конце" работы - значит говорить в пассивном залоге, как будто работа завершается сама собой и нуждается лишь в подталкивании со стороны прогрессивной политики, чтобы завершиться без шума. Но работа - это не естественный процесс, подобный горению или энтропии, который протекает сам по себе. Работа - это социальная практика, воспроизводимая повторяющимися, многочисленными личными выборами. Как правило, не свободным выбором - "ваши деньги или ваша жизнь", в конце концов, это выбор, - но, тем не менее, актами человеческого намерения. Именно (взаимодействие многих) актов воли увековечивает труд, и именно (взаимодействие многих) актов воли упраздняет его коллективным приключением, говорящим активным голосом. Работа закончится, если она закончится, потому что работники закончат ее, решив делать что-то другое - жить по-другому.

Что, в конце концов, такое работа? Если не принимать во внимание нюансы (как бы ни было познавательно их изучение), работа - это производство, вынужденное ради выживания. Ее неприятный аспект - не производство, а принудительный труд ради жизни. Производство без принуждения не только возможно, оно вездесуще. Рифкин указывает, что половина взрослого населения уже выполняет 99 волонтерских "работ" (ошибочное название) без какого-либо экономического поощрения. Неплохое начало для размышлений о том, как совместить производство и свободу.

Как жалуется Рифкин, люди, которые добровольно отдают деньги на благотворительность, могут получать налоговые вычеты, а люди, которые добровольно предоставляют свои услуги, - нет.

Так почему же они жертвуют свои услуги? Если упростить, то, вероятно, действуют два основных мотива. Первый - это благожелательность. Многие люди получают удовлетворение от помощи другим людям. Второй - удовлетворение от самой деятельности: скаутмастер, которому нравится компания детей, повар-кулинар, которому нравится готовить, или любой человек, у которого есть ремесло или навык, которым он так дорожит, что хочет передать его другим. И эти мотивы часто пересекаются и подкрепляют друг друга. Часто вы не можете помочь людям лучше, чем передав им свои навыки. У большинства людей способностей больше, чем денег, и обмен способностями, в отличие от обмена деньгами, не лишает их этого. Они получают удовлетворение и ничего не теряют. Может быть, здесь кроется ключ к тому, что работа действительно должна закончиться?

Рифкин только догадывается, и то очень смутно, что дух волонтаризма должен сыграть свою роль в прекращении работы. Он не замечает, что корыстная деятельность тоже играет свою роль. Мэри Поппинс, возможно, преувеличила, сказав, что "в том, что не так с этой картиной, во всем, что нужно сделать, есть элемент веселья", но во многих вещах, которые нужно сделать, могут быть элементы веселья. Производство и игра - не обязательно одно и то же, но и не обязательно разное. Доход и альтруизм - не единственные источники действия. Ремесла, спорт, пиры, секс, игры, песни и разговоры приносят удовольствие от самого процесса их выполнения. Рифкин не радикал, но он определенно левый, с иудео-кальвинистской презумпцией, что если вам нравится что-то делать, особенно с другими, то это должно быть аморально или легкомысленно.

Наконец-то мы знаем, что не так с этой картиной: мы видели ее раньше, и мы знаем, чем она закончится. Будущее, по мнению дальновидного Рифкина, - это настоящее с лучшими спецэффектами. Выгоняя людей с работы, вы не положите конец труду. Безработица делает работу более, а не менее важной. Больше труда не означает меньше работы, просто меньше работы, которую можно выполнять, сохраняя хотя бы остатки самоуважения. Ничто из того, что прогнозирует Рифкин, даже рост преступности, не обещает прекращения работы. Ничто из того, что предлагает Рифкин, также не гарантирует этого. Он так сильно верит в трудовую этику, что планирует увековечить ее даже после смерти того, что она освящает. Он верит в призраков, в частности в призрак машины. Но призрак преследует Рифкина: призрак упразднения труда коллективным творчеством самих работников.

Версия #2

Зверобой создал 26 мая 2025 08:11:37

Зверобой обновил 27 мая 2025 01:55:19